

ВЗАИМОПОДОБИЕ СМЫСЛОВ И СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

*Г. М. Зельдович*¹

¹ Варшавский университет
02-678, Польша, Варшава, ул. Смычкова, 9
Поступила в редакцию 07.06.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-5

Рассмотрен один до сих пор не описанный способ дискурсивного выделения. Показано, что фрагменты художественного текста, которые воспринимаются как особенно яркие и афористические, во многих случаях обнаруживают комплекс повторяющихся черт: во-первых, в них присутствует того или иного рода взаимоотраженность смыслов (возникающая в метафоре, сравнении, параллелизме или благодаря тому, что совмещаются друг с другом контрадикторные представления); во-вторых, такая взаимоотраженность смыслов подвергается отчетливой детривиализации, то есть подчеркивается специальными средствами, одним из которых является нарочитая затрудненность текста, обеспечиваемая чаще всего амфиболией – использованием слова или выражения одновременно в двух резко различных значениях; в-третьих, соответствующий фрагмент как правило связан с предтекстом сильной анафорической связью, то есть связью по линии подлежащего или дополнения – собственно актантов (хотя присутствие связи по линии сирконстантов не исключается); в-четвертых, дискурсивная связь соответствующего фрагмента с предтекстом носит в определенном смысле предсказуемый характер. Делается вывод о том, что данный служащий дискурсивному выделению комплекс, с одной стороны, широко используется литературой, а с другой – устроен принципиально сложнее, нежели средства дискурсивного выделения, до сих пор исследовавшиеся нарратологами.

Ключевые слова: *текст, смысл, связность, дискурсивное выделение.*

Друг друга отражают зеркала...
Г. Иванов

1. Предварительные замечания

Известно, сколь огромная структурная и смысловая роль в художественной литературе принадлежит разного рода повторам и взаимоотражениям. В нарративном тексте это в первую очередь многократное повторение определенных мотивов, сюжетно-композиционных ходов и двойничество персонажей. Что касается текстов поэтических, то для них, очевидным образом, взаимоотраженность тех или иных элементов

(синтаксический параллелизм, рифма, эквиритмия между отдельными строками, эквилинеарность строф и проч.) не просто важна, но, как правило, является конституирующим фактором, при отсутствии которого соответствующий дискурс в принципе не мог бы состояться.

С другой стороны, рассуждая о том, как существенны для художественного текста повторы, нельзя забывать, что отдельные части последнего обладают обычно неравным когнитивным рангом, и оттого роль повторов в тех или иных его фрагментах тоже, по крайней мере теоретически, способна оказаться неодинаково значительной.

Вспомним, что в прототипическом художественном дискурсе достаточно четко выделяются первый и второй планы, а часто в пределах каждого из них — еще и подпланы более тонкие.

Так, в нарративном тексте первый план почти всюду (кроме так называемой орнаментальной прозы, сосредоточенной не столько на развитии действия, сколько на сопутствующих обстоятельствах) формируется главной сюжетной линией, признаками которой являются перфективность глаголов, их теличность или моментальность, их переходность, референциальная определенность актантов, утвердительность и реальная модальность предложений и т. д., а описаниям, характеристикам персонажей, мотивировкам, экскурсам в прошлое и будущее и т. п. отводится уже план второй; см., среди огромной литературы: (Hopper, Thompson, 1980; 1982; Fleischman, 1990). Принадлежащие первому плану события далее могут разделяться на, так сказать, просто важные и особенно важные (не обязательно, но во многих случаях вторые связаны с кульминацией повествования), причем разделение это получает вполне конкретные лингвистические манифестации: скажем, о «просто важном» сообщают глаголы в прошедшем времени и — в языках, где есть вид, — совершенного вида, а о событиях исключительной значимости, переломных — глаголы в настоящем историческом (Fleischman, 1990). Содержание второго плана нюансировать, видимо, сложнее, однако и такая возможность, несомненно, существует; ср., например, ситуацию, когда относящееся к прошлому описание природы дается частично в прошедшем времени (тогда, если в данном языке у глагола есть вид, он окажется всюду или почти всюду несовершенным), а частично — в настоящем историческом; понятно, что именно фрагменты второго типа будут восприниматься как в том или ином смысле более важные, вероятно, более тесно связанные с главным повествованием.

Сопоставимая неоднородность свойственна также и лирическому тексту, и она весьма последовательно проявляет себя в самой его языковой материи (Зельдович, 2015; 2016а; 2018а; 2018б; Zeldowicz, 2016). В частности, определенного рода формальное, а значит, и смысловое взаимоподобие отдельных фрагментов в ощутимо большей степени характерно именно для первого плана и служит его особой приметой.

Отсюда хорошо видно, что формальная и смысловая (последнее будет для нас особенно важно) взаимоотраженность по крайней мере в принципе способна быть надежной и высокопродуктивной приметой дискурсивного выделения.

2. Смысловые взаимоотражения как маркер дискурсивной привилегированности в художественной прозе

В дальнейшем формальное взаимоподобие, хотя оно и встречается в отдельных интересующих нас примерах, не будет играть ключевую роль, а мы сосредоточимся на взаимоотражениях собственно смысловых.

Наше исходное наблюдение заключается в том, что в нарративной художественной прозе (в том числе, конечно, и фольклорной — скажем, в анекдоте, байке и т.д.) встречаются фрагменты, которые воспринимаются как исключительно заметные, необычные, афористически точные, иногда и просто ошеломительные, но при этом они либо относятся ко второму, так сказать, «нефабульному» дискурсивному плану, на нем уже занимая отчетливо привилегированную позицию, либо — что, впрочем, случается реже — принадлежат главной сюжетной линии, однако их дискурсивную привилегированность крайне трудно объяснить действием обычных в данном случае механизмов — перфективностью глагола, его теличностью либо моментальностью, переходностью, реальной модальностью соответствующих предложений, их утвердительностью и т.д.

Первый тезис, который мы хотели бы обосновать, в самом общем виде сводится к тому, что очень часто в таких фрагментах присутствует своего рода смысловая «зеркальность», или, иначе говоря, в них актуализируются такие представления, между которыми можно обнаружить нечто сходное.

Вместе с тем сам по себе тезис этот — чрезвычайно слабый и еще не проясняет того свойства привилегированных фрагментов, которое выделяло бы их на общем фоне.

С одной стороны, представление о каком-то рода сходстве разных сущностей индуцируется и метафорой, и сравнением, и параллелизмом, и многими другими средствами, которые в художественном тексте, как правило, почти вездесущи. С другой — взаимоподобие легко допускает и несколько более широкую интерпретацию, при которой его можно усмотреть даже у противоположных, контрастных явлений: в таком случае оказываются друг для друга как бы зеркальными отражениями *свет* и *тьма*, *жар* и *холод*, *сон* и *явь* и т.п., а также утверждение некоторой пропозиции и ее отрицание. Последнее означает, что в конечном счете самоподобие имплицитно попросту *каждым* утвердительным или отрицательным предложением — ибо, как хорошо известно, нечто утверждая, мы с необходимостью нечто иное отрицаем, и наоборот (Bogusławski, 1977).

Поэтому можно думать, что в когнитивно особенно заметных, привилегированных фрагментах нарративного дискурса не только достаточно часто обнаружится определенного рода взаимоотражение смыслов, но автор еще и постарается его детривиализировать, сделать в каком-то отношении более изысканным и неожиданным, то есть либо более сложным, более «многоплановым», нежели этого, абстрактно рассуждая, следовало бы ожидать, либо более близким, более ощутимо сводящим вместе две противоположности.

Говоря более конкретно, можно вообразить себе вариант, когда, например, метафора выявляет определенные вполне ясные, лежащие если не на поверхности, то близко к ней сходства между «источником» и «мишенью» (метафоризирующим и метафоризируемым), но сверх этого между ними есть еще и сходство, относящееся к совсем *иному* уровню, нередко настолько глубинное, что оно вообще скрыто от взгляда, но при серьезном анализе выявляемое с полной непреклонностью. Можно представить себе метафору или сравнение, указывающие на ясные подобия между «источником» и «мишенью» (для сравнения это, иначе говоря, сравнивающее и сравниваемое), но *в придачу* к этому подразумевающие и некие *метонимические* связи между ними.

Вообразимы также метафора, сравнение или параллелизм, требующие от нас увидеть общность в совершенно несравнимых, часто категориально разноприродных представлениях (это имеет место, например, в бабелевской конструкции *...на носу у вас очки, а в душе осень*), и такое «сближение несближаемого», придающее соответствующей речевой фигуре дополнительную, как бы оксюморонную окраску и заставляющее нас ясно ощутить, сколь значительными усилиями оплачено искомое уподобление, тоже имеет право считаться детривиализирующим фактором.

Помимо этого очень хорошо ощутимой цена самоподобий оказывается в случае амфиболии, то есть там, где они возникают благодаря одновременной актуализации двух разных значений слова или иной языковой единицы. Это, разумеется, объясняется теми исключительно высокими когнитивными затратами, без которых мы не в состоянии мысленно согласовать друг с другом вообще-то слишком непохожие представления и которые практически всегда делают соответствующий прием чрезвычайно заметным, не позволяя воспринять его как нечто «проходное» и «саморазумеющееся».

Там же, где в игру входят не просто разноплановые, но уже *контрадикторные*, логически несовместимые смыслы, их взаимоотраженность может быть детривиализирована либо немедленной попыткой их синтеза, когда в тексте появляется некая более общая идея, оба эти смысла себе подчиняющая и потому их по крайней мере в определенном плане примиряющая (так, умение пить водку и неумение ее пить уравниваются по своим последствиям в бабелевском *Есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но все же пьющие ее*), либо тем, что их контрадикторность смягчается особыми средствами (в самом простом случае — указывается, вопреки логике, на одновременную истинность соответствующих пропозиций, как, например, у С. Довлатова в знаменитом *Мне стало противно, и я ушел. Вернее, остался*).

Хотя исчислить все конкретные способы подобной детривиализации едва ли возможно, однако в реальных примерах осуществляется, как правило, одна из только что названных стратегий.

Итак, более сильная гипотеза, которая подтверждается обследованным материалом, состоит в том, что в особенно заметных на общем фоне фрагментах художественного текста, во-первых, весьма часто об-

наруживается того или иного рода взаимоотраженность, взаимоподобие смыслов, а во-вторых, взаимоподобие это по тем или иным причинам оказывается *отчетливо нетривиальным*.

Однако и этим, как показал материал, существо дела тоже не исчерпывается. Помимо своих нетривиальных смысловых самоподобий интересующие нас дискурсивно привилегированные, наиболее «яркие» и «разительные» фрагменты обнаруживали — если не всегда, то в большинстве случаев — особенно тесную связь с предшествующим текстом и этим предтекстом, так сказать, *подготовленность*.

Одной из манифестаций названной связи является анафора. Там, где имелись факторы, детривиализирующие самоподобие смыслов, гораздо чаще, нежели в случаях тривиального самоподобия, подлежащее соответствующих высказываний оказывалось уже известным из предтекста: либо соответствующий референт уже назывался раньше прямо, либо его присутствие в пространстве текста легко угадывалось благодаря другим прежде упомянутым референтам (так, как, допустим, упоминание о зоопарке дает нам право, а иногда почти даже заставляет нас подумать об обезьянах, львах, медведях и т.п.; см. подробно: (Prince, 1981)); конкретные статистические сведения будут представлены позднее, в п. 3.

Поскольку подлежащее есть когнитивно наиболее привилегированный член предложения, так что его анафорические связи с предтекстом должны ощущаться особенно ясно, и поскольку, с другой стороны, подлежащее, по крайней мере в нарративном тексте (а этим типом текстов мы и занимались в первую очередь) тяготеет к устойчивости, к повторяемости в целом ряде предложений (Givón, 1979), постольку именно «унаследованное» из предтекста подлежащее являет собой *наиболее прототипическую* анафору и в плане преемственности референтов обеспечивает между соответствующим предложением и предтекстом самую прочную связь.

Несколько менее прототипична ситуация, когда анафорическую роль играет дополнение (дополнение, даже прямое, когнитивно менее привилегированно, и соответствующий референт бывает не анафорическим, а новым, значительно чаще), и еще менее прототипична та, когда анафоричен сирконстант — ибо еще ниже его когнитивный ранг и еще реже появляющиеся тут референты обнаруживают дискурсивную устойчивость, многократную повторяемость в разных предложениях. В случаях второго рода мы принимаем, что референциальная связь с предтекстом хотя и не отсутствует полностью, как если анафоры вообще нет, но все же очень слаба.

Кроме того, оценивать, насколько данный фрагмент подготовлен предшествующим текстом, можно также по характеру их содержательной связи, то есть в терминах возникающих между ними дискурсивных отношений. Последние понимаются нами в духе теории дискурса, которую разработали Н. Эшер и А. Ласкаридес (так называемая теория сегментированной репрезентации дискурса; см. особенно: (Asher, Lascarides, 2003)).

Усматривать ту или иную дискурсивную связь естественнее всего между двумя целостными (неважно, простыми или сложными) пред-

ложениями. С другой стороны, в дискурсивную связь несомненно способны вступать и простые предложения, являющиеся частью сложного сочиненного либо бессоюзного, — при условии, конечно, что они обладают достаточной автономностью, то есть сегментация данного сложного предложения на отдельные простые не привела бы к существенным изменениям смысла. Поэтому, например, допустимо считать, что в предложении *Но я остался один в моей работе, покойник Лева Бык умер, мне нет помощи ниоткуда, и вот я один, как бывает один Бог на небе* (И. Бабель) между *покойник Лева Бык умер* и *и вот я один, как бывает один Бог на небе* имеется дискурсивная связь (нарративного типа; см. чуть ниже), но ни в коем случае не вступают в такую связь ни друг с другом, ни с иными фрагментами текста части предложения *Опоздаешь на экзамен — получишь двойку*, ибо, придай мы им статус самостоятельных высказываний (*Опоздаешь на экзамен. Получишь двойку*), смысл сообщаемого исказился бы до неузнаваемости.

Наиболее частыми дискурсивными отношениями являются нарративное (входящие в данную связь предложения описывают два последовательных события, как в тексте *Нам дали отпуск. Мы отправились к морю*), детализационное (второе из двух связываемых им предложений сообщает некоторую дополнительную информацию о той же самой ситуации, какая описывалась первым, как в тексте *Нам дали отпуск. К сожалению, только на 4 дня*), пояснительное (второе предложение уточняет, почему имеет место описываемая в первом ситуация, либо, реже, откуда говорящий о ней узнал; ср., соответственно, тексты: *Нам дали отпуск. У начальника было хорошее настроение* и *Маша испортила одежду. Я видел, как она покупала пятновыводитель*), причинно-следственное (первое предложение указывает на причину, второе — на результат, как в тексте *У начальника было хорошее настроение. [Поэтому] нам дали отпуск*), контрастное отношение (*Нам дали отпуск. А Маша так и будет ходить на работу*) и отношение параллелизма (*Маша варит суп. Ваня жарит картошку*); см. снова: (Asher, Lascarides, 2003), а также: (Jasinskaja, 2009).

Первостепенную важность для нас имеют следующие обстоятельства.

Во-первых, в ряде случаев какое-то высказывание не просто *позволяет* продолжить текст в пояснительном ключе, но с большей или меньшей настоятельностью также *требует* такого продолжения. Например, если мы скажем, что кто-то имел обыкновение спать стоя, сам собой возникает вопрос *почему*, и именно ответа на него мы будем ждать от следующей фразы. Понятно, что если в подобных случаях «левым контекстом» задается тип дискурсивных отношений, в которые вступит соответствующее высказывание, то до известной степени загодя определенным становится и его собственный смысл.

Во-вторых, нередко, особенно в художественной литературе, какой-то фрагмент текста описывает ситуацию столь экзотическую, выходящую из ряда вон, что адресат не может сразу не задаться вопросом, к каким же именно последствиям она привела. Разумеется, связь такого фрагмента с позднейшим рассказом о последствиях не просто причинно-следственная, но и хорошо *предсказуемая* в этом своем качестве.

В-третьих, сходным образом дело обстоит в случае нарративных связей. Как правило, нарративные цепочки в текстах достаточно длинные, поэтому если какая-то фраза развивает уже начатую прежде нарратацию, то следующая за ней в норме должна тоже нарратацию продолжить¹.

Наконец, о том, что содержание соответствующего предложения частично предсказано «левым контекстом», нужно говорить еще и тогда, когда предложение это выполняет детализирующую функцию.

В работе (Jasinskaĵa, 2009) убедительно показано, что детализационная дискурсивная связь, то есть, напомним, связь, возникающая, если последующее предложение сообщает нечто дополнительное о ситуации, которая описывалась предыдущим, — такая дискурсивная связь является среди всех связей наименее маркированной, самой «базовой». Поэтому по умолчанию, в отсутствие особых обстоятельств (из которых наиболее частым является уже сложившаяся нарративная инерция, делающая вероятным дальнейшее развитие рассказа), логично ожидать, что каждое продолжение текста будет выдержано в детализационном ключе. (К сожалению, воспроизвести весьма развернутую и многостороннюю аргументацию Е. Ясинской здесь не представляется возможным.)

Ввиду этого детализационную связь между интересующим нас предложением и предложением более ранним мы также считаем предсказующей в объясненном выше смысле.

Опираясь на проанализированный материал, можно утверждать, что, если определенный фрагмент художественного текста воспринимается как дискурсивно привилегированный и если в нем обнаруживается того или иного характера взаимоотраженность каких-то смысловых элементов, то, во-первых, взаимоподобие их скорее всего будет нетривиальным в оговоренном выше понимании этого слова; во-вторых, данный фрагмент как правило окажется соединен с предтекстом достаточно прочными — то есть по линии подлежащего и/или дополнения — анафорическими связями; в-третьих, дискурсивные связи этого фрагмента с некоторым предваряющим его фрагментом часто будут заранее предсказуемыми, то есть содержание более раннего фрагмента во многих случаях позволит строить относительно их характера достаточно надежный прогноз.

Иными словами, можно утверждать, что как сигнал о дискурсивной привилегированности соответствующих фрагментов выступает скорее не какая-то одна их особенность, но целый комплекс названных выше обстоятельств.

¹ Это, конечно, лишь одно, хотя, по-видимому, и самое яркое из проявлений так называемой дискурсивной инерции: если между двумя предложениями развертывающегося дискурса уже установлена определенная содержательная связь и если у нас нет ясных причин думать иначе (справедливости ради, надо заметить, что причины эти бывают весьма разнообразны, имея своим источником и структуру данного конкретного текста, и общие закономерности текстостроения, и прагматический вывод, и наши представления о мире, — и потому появляются отнюдь не редко), то мы ожидаем, что и новое предложение будет присоединяться ко второму из нашей пары по точно такому же принципу; см. подробно: (Asher, Lascarides, 2003).

3. Статистические результаты, обсуждение и выводы

Нами были проанализированы 60 фрагментов, извлеченных из произведений И. Бабеля, Л. Соловьева, С. Довлатова, И. Губермана и из еврейского фольклора и воспринимаемых как особенно яркие, дискурсивно привилегированные².

Оказалось, что 47 из этих фрагментов имплицировали взаимоподобие, взаимоотраженность определенных смыслов.

Нашей целью было проверить, связана ли дискурсивная привилегированность с названным взаимоподобием как таковым или же ее обеспечивает самоподобие смыслов вместе с другими, дополнительными факторами. Наблюдения над материалом показали, что такие факторы действительно существуют.

Во-первых, это детривиализация самоподобия с помощью тех или иных достаточно разнообразных средств. Вообще говоря, взаимоподобие смыслов в художественном тексте встречается настолько часто (достаточно вспомнить о метафорах, сравнениях, параллелизмах или антитезах), что должно восприниматься скорее как нечто почти саморазумеющееся, а не исключительное. Дело, однако, меняется, если за сведение вместе соответствующих концептов платится откровенно неординарная когнитивная цена (скажем, ради этого автор мирится с амфиболией), или если появляются дополнительные обстоятельства, подчеркивающие неслучайность названного соседства, или если два представления вообще-то противоречивы, а в данном контексте как будто бы непреодолимая дистанция между ними все-таки тем или иным образом сокращается.

Во-вторых, у дискурсивно выделенных фрагментов, где обнаружено детривиализованное взаимоподобие каких-то представлений, как правило имелась также прочная (по линии подлежащего либо дополнения, но не сирконстанта) референциальная связь с предтекстом.

Наконец, в-третьих, и дискурсивные отношения с предтекстом у таких фрагментов чаще были заранее предсказуемыми (в том смысле, который объяснен выше, в п. 2).

Примеры разделились на пять типов: одни давали предельно наглядное подтверждение нашей гипотезе о преимущественно совместном действии названных факторов, другие подтверждали ее косвенно, третьи прямо ей противоречили, четвертые противоречили опосредованно, а пятые оказались нейтральными, не давая ясных свидетельств в ее пользу, но и не служа к ее опровержению.

Тип 1. Сюда относятся примеры, где имеются взаимоподобные представления, взаимоподобие детривиализировано дополнительными обстоятельствами, есть прочная референциальная связь с предтекстом и есть с ним прогнозируемая дискурсивная связь.

Таких примеров обнаружено 26, то есть они составили намного более половины (68 %) всего нашего материала.

² Анализ фрагментов приведен в нашей статье «Взаимоотраженность смыслов и дискурсивная перспектива в художественном тексте» (планируется к публикации во втором номере журнала «Przegląd Rusycystyczny» за 2020 год).

Тип 2. Примеры, где имеются взаимоподобные представления, однако взаимоподобие не детривиализировано, а вместе с тем нет ни прочной референциальной связи с предтекстом, ни прогнозируемой дискурсивной связи.

Соответствующие примеры, разумеется, тоже служат косвенным, отрицательным свидетельством в пользу корреляции «детривиализированное взаимоподобие — прочная референтная связь с предтекстом — прогнозируемая дискурсивная связь с предтекстом».

Таких случаев найдено 12.

Тип 3. Примеры, где имеются взаимоподобные представления, взаимоподобие детривиализировано дополнительными обстоятельствами, но с предтекстом нет ни прочной референциальной связи, ни прогнозируемых дискурсивных отношений.

Разумеется, этот материал недвусмысленно свидетельствует против нашей главной гипотезы, однако таких случаев выявлено всего лишь 2.

Тип 4. Примеры, где имеются взаимоподобные представления, при этом взаимоподобие не детривиализировано дополнительными обстоятельствами, однако с предтекстом все же имеются и прочная референциальная связь, и прогнозируемые дискурсивные отношения.

Ясно, что в определенном смысле такое положение дел идет вразрез с нашей гипотезой. Впрочем, соответствующих фрагментов найдено только 3.

Тип 5. Примеры, которые обладают двойственным характером и потому были признаны безразличными для верификации нашей гипотезы. Здесь обнаружили два варианта. В одном случае имелось нетривиальное взаимоподобие, имелась прочная референтная связь с предтекстом, но не было предсказуемой связи дискурсивной. Таким образом, соответствующий фрагмент отчасти подтверждает главную гипотезу (а именно, в том, что касается корреляции между нетривиальным взаимоподобием смыслов и наличием сильной референциальной связи с каким-то более ранним фрагментом), а отчасти гипотезе этой противоречит (в том, что касается предполагаемой совместности между нетривиальным взаимоподобием и загодя прогнозируемым дискурсивным отношением к уже сказанному прежде). В другом случае взаимоподобие было тривиальным, имелась прогнозируемая дискурсивная связь с предтекстом (что косвенно противоречит нашей гипотезе), но не обнаружилось прочной референциальной связи с ним (что, наоборот, хоть и косвенно, но могло бы служить подтверждением нашей гипотезы).

Этот «безразличный» тип в нашем материале представлен только трижды.

Таким образом, наша основная гипотеза получила прямое подтверждение со стороны 26 примеров и косвенное со стороны 13; противоречили ей прямо 2 примера, косвенно — 3. Действительно, между обсуждаемыми свойствами дискурсивно выделенных фрагментов имеется отчетливая ковариативность: как правило, если фрагмент дискурсивно привилегирован и в нем есть детривиализированное взаимоподобие смыслов, то у него есть с предтекстом и прочная референтная, и прогнозируемая дискурсивная связь. И наоборот, когда в дискурсивно привилегированном фрагменте имеются взаимоподобные смыслы, но

нет детривиализирующих факторов, то чаще ни прочной референтной, ни прогнозируемой дискурсивной связи с предтекстом у него не окажется.

Существенно также, что во всех обсуждаемых планах дискурсивно выделенные и имплицитные взаимоподобие фрагменты обследованных текстов обнаруживают существенное преимущество перед фрагментами, дискурсивно не выделенными или / и не имплицитными взаимоподобия.

Рассмотрев по 100 таких фрагментов из «Одесских рассказов» И. Бабеля, «Повести о Ходже Насреддине» Л. Соловьева, «Компромисса» С. Довлатова и «Хазарского словаря» М. Павича (то есть в общей сложности 400 фрагментов), мы детривиализированных смысловых взаимоподобий не обнаружили вовсе — тогда как в рассмотренном выше материале их, напомним, 29 на 47 примеров. Прочную в интересующем нас смысле референциальную скрепленность с предтекстом мы нашли в 277 примерах, то есть в 70 % случаев, а наши дискурсивно выделенные примеры с детривиализированным взаимоподобием представлений такую связь обнаружили в 26 из 29, то есть почти в 90 % случаев. Предсказуемая дискурсивная связь с более ранним текстом у названных «обычных» фрагментов встретилась 206 раз (51 %), а у наших дискурсивно выделенных с детривиализированным взаимоподобием — 27 (93 %).

Из всего изложенного видно, что наличие в соответствующем фрагменте смысловых взаимоподобий, наличие в нем детривиализирующих последние факторов, прочная референциальная и предсказуемая дискурсивная связь с предтекстом — все эти его особенности, как правило, ковариативны и служат в своей совокупности средством дискурсивного выделения.

Перед нами, разумеется, совершенно особое средство внутренне иерархизировать дискурс, не ученое, насколько нам известно, в литературе и в значительной степени автономное от многих иных хорошо изученных средств. Если, например, в повествовательном тексте перфективность глагола, его теличность или моментальность, его переходность, референциальная определенность актантов, утвердительность предложения, реальная модальность и др. становится типичным признаком первого плана, главной событийной линии (Hopper, Thompson, 1980; 1982; Fleischman, 1990), то описанный выше комплекс используется и для того, чтобы подчеркнуть нечто особенно важное на первом плане повествования, и для того, чтобы придать больший дискурсивный вес фрагментам второго плана — тем, где, скажем, описывается состояние героя, даются мотивировки и оценки, делаются экскурсы в прошлое или будущее и т. д.

Здесь получает свое дополнительное подтверждение и мысль, что один и тот же дискурс способен «расслаиваться» не на два, а на множество планов (см. особенно (Fleischman, 1990)), и мысль, что структура дискурса формируется взаимодействием целого множества разнотипных иерархий, связи между которыми зачастую неясны, далеки от дружелюбности и должны стать предметом дальнейших исследований.

Впрочем, если ограничиться только этими выводами, существо описанного выше явления еще не будет понято.

Надо учитывать, что само создание и восприятие смысловых взаимоотношений предполагает в общем случае немалые когнитивные затраты, которые еще значительно возрастают, когда взаимоотражение детривиализируется: вспомним хотя бы о том, сколь часто этой цели служит амфиболия, то есть использование слова либо целого оборота сразу как бы в двух разных значениях, или совмещение двух представлений, которые попросту контрадикторны, абстрактно говоря, друг друга должны категорически исключать.

С другой стороны, как хорошо известно, и создание, и восприятие высказывания в общем случае тем менее «затратны», чем прочнее его связи с предтекстом или, иначе говоря, чем основательнее оно предтекстом подготовлено в различных своих аспектах. В качестве одной из самых красноречивых иллюстраций можно вспомнить косвенные речевые акты. Психо- и просто лингвистами показано, что весьма часто косвенная просьба, косвенный приказ и т. п. (в том числе косвенная просьба и проч., имеющие неконвенциональную форму и даже осложненные иронией или сарказмом, как, например, фраза *В комнате жарко*, сказанная для того, чтобы адресат обратил внимание на *холод* в комнате и закрыл окно) требуют от интерпретатора отнюдь не больше, а меньше усилий, чем соответствующий прямой акт, притом обуславливается это большей контекстной «укорененностью» сообщаемого; см.: (Ruytenbeek, 2017) с дальнейшей литературой.

Таким образом, в интересующих нас примерах имеются две противоположные тенденции: к усложнению и одновременному упрощению, так сказать, фамилиаризации передаваемых смыслов, — а значит, и здесь тоже действует принцип взаимоотражения, только, будучи связан теперь не со значением отдельных предложений, а с общей «архитектурой» дискурса, проявляет он себя на особом уровне, куда более высоком и труднозаметном, нежели взаимоотраженность *конкретных* создаваемых в тексте представлений.

Если же взаимоотраженности конкретных понятий сопутствует и названная абстрактная взаимоотраженность, то эти модусы взаимоотражения в свою очередь тоже в определенном смысле оказываются друг другу подобны, друг по отношению к другу «зеркальны», а этим должно порождаться взаимосходство еще более отвлеченного порядка.

Наконец, можно сделать еще одно предположение. Внутренняя согласованность между принадлежащими разным уровням смысло- и структурообразующими особенностями текста в наибольшей степени характерна для поэзии; см., в частности: (Зельдович, 2016б). Поэтому не исключено, что рассмотренное, так сказать, «многоярусное», «многоипостасное» самоподобие смыслов должно восприниматься как вторжение в прозу поэтической речи. Поскольку же в поэзии — если не всегда, то в принципе — каждое слово обладает или стремится обладать куда большим коммуникативным весом, нежели слово прозаическое, постольку в проанализированных выше примерах и само это обстоятельство тоже, вероятно, служит дополнительным, еще более высокого уровня, маркером дискурсивной выделенности.

В таком случае рассмотренный механизм выделения существенно отличается от механизмов, обеспечивающих распознавание в повествовательном тексте главной нарративной линии. Если последняя маркируется более или менее равноправными, взаимно не иерархизированными и вместе с тем достаточно разнородными средствами (это, напомним, перфективность глагола; его теличность или моментальность; его переходность; референциальная определенность подлежащего и дополнения; утвердительность предложения; реальная модальность и др.), то здесь, наоборот, одна и та же стратегия реализуется сразу на многих уровнях, начиная от конкретного, «вещественного» содержания соответствующих фрагментов и заканчивая уровнем жанрообразующих принципов.

Отсюда видно, что наряду с превосходно изученным «плоскоориентированным» дискурсивным выделением существует и выделение, фигурально выражаясь, ориентированное иерархически, которое также заслуживает пристального интереса, но пока что, кажется, его не привлекло.

Список литературы

Зельдович Г. М. Об одном способе маркировать дискурсивную перспективу в лирической поэзии. Композиция и референциальные связи, или В чем неправы П. Хоппер и С. Томпсон // *Linguistica Copernicana*. 2015. № 12. С. 245–270.

Зельдович Г. М. «Золотое сечение» и композиция лирического текста // *Wiener Slawistischer Almanach*. 2016a. С. 95–148. Bd. 78.

Зельдович Г. М. О дискурсивных отношениях в лирической поэзии // *Wiener Slawistischer Almanach*. Wien, 2016b. Sonderband 89.

Зельдович Г. М. Композиция лирического стихотворения и «теснота» стихового ряда: типологическое богатство информации как маркер первого дискурсивного плана в лирическом тексте // Людмила Савченко: душа воспламененная. Харьков, 2018a. С. 287–346.

Зельдович Г. М. Целостность авторского сознания как признак главного дискурсивного плана в лирическом стихотворении // *Linguistica Copernicana*. 2018b. № 15. С. 323–353.

Asher N., Lascarides A. *Logics of Conversation*. Cambridge, 2003.

Bogustawski A. *Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences*. Warszawa, 1977.

Fleischman S. *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*. Austin, 1990.

Givón T. From discourse to syntax: Grammar as a processing strategy // *Discourse and Syntax. Syntax and Semantics* / ed. T. Givón. N. Y., 1979. Vol. 12. P. 81–112.

Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56, № 2. P. 251–299.

Hopper P., Thompson S. (eds.). *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*. N. Y., 1982. Vol. 15.

Jasinskaja E. *Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations*: diss. Tübingen, 2009.

Prince E. Toward a taxonomy of given-new information // *Radical Pragmatics* / ed. P. Cole. N. Y., 1981. P. 223–256.

Ruytenbeek N. The comprehension of indirect requests: Previous work and future directions // *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line* / eds. I. Depraetere, R. Salkie. Springer, 2017. P. 293 – 322.

Zeldowicz G. Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse // *Linguistica Copernicana*. 2016. №13. P. 301 – 318.

Об авторе

Геннадий Моисеевич Зельдович, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором семиотики факультета прикладной лингвистики, Варшавский университет, Польша.

E-mail: zeldowicz@yahoo.com

Для цитирования:

Зельдович Г.М. Взаимоподобие смыслов и структура художественного текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №1. С. 87 – 100. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-5.

THE MUTUAL SIMILARITY OF MEANINGS AND STRUCTURES IN A LITERARY TEXT

G. M. Zeldovich¹

¹ Uniwersytet Warszawski
Smyczkowa 9, 02-678 Warszawa, Poland
Submitted on July 7, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-5

This paper discusses a discourse grounding strategy that has not been described before. It is shown that the fragments of a literary text that are perceived as impressive, aphoristic, etc., tend to have a set of recurrent features. Firstly, in such fragments, there often is mutual reflectedness of meanings (it emerges in metaphors, similes, parallelisms, or juxtapositions of contradictory notions). Second, mutual reflectedness goes through pronounced detrivialization, i.e. it is emphasised using special means, one of which is the ostentatious intricacy of the text usually achieved through amphiboly, or intended ambiguity. Thirdly, there is usually a strong anaphoric link between such fragments and the preceding text, i.e. a link between subjects and/or objects (this does not exclude adjunct-based links). Fourthly, the type of discourse relation between such fragments and the previous text is highly predictable. The main conclusion drawn in the article is that the described set of properties, which is instrumental in discourse grounding, is widely used in literature, on the one hand, and it is much more complex than the grounding devices earlier studied by narratology.

Ключевые слова: text, meaning, coherence, discourse emphasis.

Reference

Zel'dovich, G. M., 2015. About One Way of Marking Discourse Perspective in Lyric Poetry. Composition and referential links, or Where P. Hopper and S. Thompson go wrong. *Linguistica Copernicana*, 12, pp. 245 – 270 (in Russ.).

Zel'dovich, G. M., 2016a. The Golden Ratio and Composition of the Lyric Text. *Wiener Slawistischer Almanach*, 78, pp. 95 – 148 (in Russ.).

Zel'dovich, G. M., 2016b. On discourse relationships in lyric poetry. *Wiener Slawistischer Almanach*, 89 (in Russ.).

Zel'dovich, G.M., 2018a. The composition of the lyric poem and the "tightness" of the verse: Typological richness of information as a marker of foreground in the lyric text. In: E.V. Maslii and A.V. Kardashova, eds. *Lyudmila Savchenko. Dusha vosplamennaya* [Lyudmila Savchenko. Inflamed soul]. Kharkov, pp. 287–346 (in Russ.).

Zel'dovich, G.M., 2018b. Integrity of author's consciousness as a sign of foreground in a lyric poem. *Linguistica Copernicana*, 15, pp. 323–353 (in Russ.).

Asher, N., Lascarides, A., 2003. *Logics of Conversation*. Cambridge.

Boguslawski, A., 1977. *Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences*. Warsaw.

Fleischman, S., 1990. *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*. Austin.

Givón, T., 1979. From discourse to syntax: Grammar as a processing strategy. In: T. Givón, ed. *Discourse and Syntax. Syntax and Semantics*. Vol. 12. N. Y., etc. pp. 81–112.

Hopper, P. and Thompson, S., 1980. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 56 (2), pp. 251–299.

Hopper, P. and Thompson, S., eds., 1982. *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics* 15. N. Y., etc.

Jasinskaja, E., 2009. *Pragmatics and Prosody of Implicit Discourse Relations*. Ph. D. Tübingen.

Prince, E., 1981. Toward a taxonomy of given-new information. In: P. Cole, ed. *Radical Pragmatics*. N. Y. pp. 223–256.

Ruytenbeek, N., 2017. The comprehension of indirect requests: Previous work and future directions. In: I. Depraetere and R. Salkie, eds. *Semantics and Pragmatics: Drawing a Line*. Springer, pp. 293–322.

Zeldowicz, G., 2016. Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse. *Linguistica Copernicana*, 13, pp. 301–318.

The author

Dr Gennady M. Zeldovich, Professor, Head of the Department of Semiotics, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw, Poland.

E-mail: zeldowicz@yahoo.com

To cite this article:

Zeldovich, G.M. 2020, The mutual similarity of meanings and structures in a literary text, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 1, p. 87–100. doi: 10.5922/2225-5346-2020-1-5.